

НАКАЗАНИЯ

Как говорят американцы: «бесплатных завтраков не бывает». За все хохмы мне приходилось расплачиваться натурой. Наказывали меня часто и много. Можно сказать, ежедневно, а иногда и по несколько раз в день. И почти всегда за дело. Обычно мои проделки больше всего злили мать, и она решительно требовала, чтобы отец немедленно меня наказал, а потом, принимая за чистую монету мои истошные вопли, набрасывалась на отца и ругала его за жестокость и неумение воспитать сына.

Я всегда старался избежать наказания и тянул время, как только мог. Начало порки выглядело стандартно. Отец, посмотрев дневник или прочитав приглашение посетить школу, сурово на меня смотрел и коротко приказывал: «Ну!»

Это означало: «немедленно принеси ремень!»

Тут спешить никогда не следовало, мало ли что могло случиться, кто-то в гости придет или другое, но чаще ничего особенного за это время не происходило. Подав отцу ремень, я инстинктивно отскакивал на другую сторону круглого стола и проявлял такую же сообразительность, как Иванушка, когда Баба-яга сажала его на лопату, чтобы сунуть в печь.

«Иди сюда, – кричала отец, а я, изображая непонятливого Иванушку, отвечал:

«Куда? Сейчас», – и делал движение в его сторону.

Отец устремлялся мне навстречу, а я быстро менял направление, при этом, делая вид, что выполняю его требование, но только иду к нему с другой стороны стола, а если он дергался назад, то и я менял направление. Такая игра долго продолжаться не могла. Отец придвигал стол к дивану, ограничивая мое оперативное пространство. Но я тоже был ученый и быстро соскальзывал под стол. Поймать меня там голыми руками было практически невозможно. Но отец при помощи стула ещё больше ограничивал пространство для маневра и вынуждал меня покинуть удобную позицию. Тогда я пулей выскакивал в коридор и запирался в туалете. Отец стучал в дверь и всячески мне угрожал, обещая, что мне будет ещё хуже (?). В ответ я дергал ручку бачка, и унитаз издавал утробный булькающий звук, который приводил отца в бешенство. Сломать дверь туалета в коммунальной квартире ему было слабо, но и ждать меня до вечера тоже резона не было.

«Выходи!» – ярился отец.

«Сейчас! У меня живот схватило!» – на всякий случай врал я, чтобы отец не очень-то распалялся.

Но, выходить приходилось.

Пороли меня разными предметами и в основном по голому заду. Так как избежать наказаний не всегда удавалось, то в моих интересах и возможностях было приучить отца к определенному оружию экзекуции, а также к силе и темпу наказания. Сначала отец порол меня тонким брючным ремнем, но ему было лень каждый раз вытаскивать его из брюк, а мне было ужасно больно, как от плетки. Поэтому однажды, когда отец больной лежал в постели, я так засушил ремень над духовкой, что кожа стала крошиться, и он испугался за его целостность.

Весной отец изготавливал специальное оружие для экзекуции, которое представляло собой пучок ивовых розог, связанных вместе у комля. Вообще-то эта штука меня вполне устраивала, так как я быстро установил, что боль от удара уменьшалась при увеличении числа прутьев в пучке. И я стал незаметно добавлять новые прутья. А если подсушить розги над газом,

то боль от удара снижалась. Не зря видно раньше их вымачивали в соленой воде.

Но «лучшее – враг хорошего». Я переусердствовал с сушкой, и все прутья от удара сломались у ручки. Отец схватил одну хворостину и так меня отходил, что на ягодицах остались рубцы. А я так орал, что отец схлопотал от матери оплеуху за свое зверство.

Следующим орудием для порки стал широкий флотский ремень, который при ударе издавал громкий устрашающий хлопок при вполне разумном уровне болевых ощущений. А если полностью расслабиться (до консистенции студня), то хлопок получался громче, а боль меньше. Конечно, даже таким ремнем можно ударить будь здоров. Сила удара проще всего регулировалась криком: как только я начинал вопить дурным голосом, отец автоматически уменьшал мощность удара, помня, что мы не одни и живем в коммунальной квартире. В конце концов, нам удавалось достичь разумного компромисса: я был умеренным голосом, изображая страдание и глубокое раскаяние, а отец сдержанно хлопал ремнем по моему заду.

Впрочем, однажды мне досталось этим ремнем так, что я неделю не мог сидеть нормально. А дело было так. Мы заканчивали обед и собирались пить чай. К нам в гости зашла соседская девочка четырех лет. Она села на диван вздохнула и громко сказала, ни к кому не обращаясь:

«Просить нельзя! – затем вздохнула ещё раз и уверенно добавила: Сами дадут!» – и тут же согласилась выпить чаю с вареньем.

Она уселась рядом со мной и в ожидании, когда остынет горячий чай, стала наблюдать, как я кладу в свой бокал сахар. После второй ложки она предупредила меня голосом своей бабки:

«Толик, хватит!»

«Что ты переживаешь, это же наш сахар, а не ваш», – и я нарочно положил ещё ложку.

«Толик, хватит!» – взмолилась девочка, и глаза её наполнились слезами.

Я нарочно положил ещё одну ложку. Тут соседка не выдержала и разревелась. Моим родителям удалось успокоить девочку только при помощи конфеты. За чаем выяснилось, что девочка будет выступать на елке в своём детском саду и пришла к нам рассказать новогоднее стихотворение. Громко и выразительно она прочитала нам стих, который заканчивался как-то пресно: «Здравствуй, здравствуй, Новый год!»

– Надо говорить: «Здравствуй, попа, Новый год!» – подсказал я соседке в коридоре.

На празднике соседка потрясла всех, дома тоже! Отец по запарке схватил ремень не с того конца и хлестанул латунной пряжкой, да так, что у меня на левой ягодице целую неделю красовался отпечаток якоря. Взбешенный зверской болью от удара, я неожиданно для себя вырвал из рук отца ремень, залез под стол и отгрыз пряжку. Отец сам испугался не меньше, и даже не стал ругать меня за испорченный ремень. Зато теперь ремень стал короче, а удары мягче, и поскольку он теперь ни на что не годился, кроме как для порки, то стал постоянным орудием экзекуции. Я тайно укорачивал ремень еще несколько раз, пока он не стал куцый и почти безболезненный.

Однако совсем избежать боли не удавалось, а то может сложиться впечатление, что порка широким флотским ремнем сплошное удовольствие.

Самым большим для меня наказанием был запрет выходить на улицу. Без улицы я просто не мог жить. Родители это знали и частенько после порки не выпускали меня из дома. Я возмущался и заявлял, что так

нечестно, и по законодательству за один проступок должно быть одно наказание, а не два. Но они были неумолимы. Как только я не уламывал родителей выпустить меня хоть на несколько минут. Предложения сходить в магазин за свежим хлебом, вынести мусорное ведро или вытрясти дорожки они игнорировали. Я серьезно предупреждал их, что мне просто необходимо сбегать к приятелю и уточнить домашнее задание по математике, иначе завтра я опять принесу двойку или единицу. Родители понимали, что зацепили меня за живое, и были неумолимы. Мать уходила на кухню, а отец садился в кресло перед телевизором. Однажды он смотрел хоккейный матч и болел за ленинградский СКА. Счет был нулевой. К концу первого периода отец уснул и захрапел. Я толкнул кресло, так чтобы отец проснулся, и громко произнёс:

– Ну, слабаки! Это надо же умудриться, семь шайб в одном периоде пропустить!

– Кому шесть шайб забили, СКА? – встрепенулся отец от моих слов.
– Ты что несешь? Опять ремня захотел?